

Глава 5.

«Исламское государство» – нежеланное дитя Арабской весны*

Центральным звеном в афразийской полосе напряженности¹, охватывающей сегодня значительную часть исламского мира и прилегающих к нему регионов, является Ближневосточный регион. Но в результате последних событий и процессов узел проблем, который здесь завязался, стал существенно сложнее, чем ранее. Если один из самых застарелых в мире арабо-израильский конфликт постепенно сузился в основном до палестино-израильского и от этого стал в известной мере предсказуемым, то в отношении Ближнего Востока ни о какой предсказуемости и речи быть не может (см. также *Заключение*). Существует несколько центров конфликта. Один из самых значимых находится в настоящее время на территории Сирии, откуда он распространился на Ирак, немного было успокоившийся после вторжения в это государство США. Обе страны на сегодняшний день выглядят частично территориально и институционально распавшимися, большая часть их национального пространства охвачена гражданской войной (о причинах этой войны в Сирии и роли в ней внешних игроков см. *Главу 3*). Конфликт приобрел характер политико-конфессионального противостояния, выходящего далеко за рамки отдельных государств. Фактически в регионе сложились межгосударственные суннитская и шиитская оси, противостоящие по всем линиям соприкосновения (см. об этом также в *Главе 7*). Но наибольшую непредсказуемость дальнейшему ходу развития конфликта придает тот факт, что в его центре оказывается никем извне не контролируемое, самодостаточное в финансово-экономическом и военном отношении и стремящееся к безудержной экспансии террористическое «Исламское государство».

Такое развитие событий чревато дальнейшей эскалацией угрозы как в сугубо региональном, так и в более широком плане. Ни

* Глава написана в соавторстве с К. М. Труевцевым.

¹ Подробнее об этой полосе напряженности (мы предложили обозначить ее как «афразийскую макрозону нестабильности») см. в наших предыдущих работах: Гринин, Коротаев и др. 2014; Коротаев, Исаев 2014а; Коротаев, Исаев, Руденко 2014; 2015.

одно государство региона не осталось огражденным от реальных угроз внешнего вторжения, либо участия в вооруженных конфликтах с соседями и/или внутреннего коллапса. Практически на Ближнем Востоке не осталось ни одного государства, не вовлеченного в той или иной степени в эти негативные процессы (а в Северной Африке только Алжир в основном остается в стороне от них).

Следует обратить внимание также и на глобальное измерение сегодняшнего ближневосточного конфликта. «Исламское государство» превращается едва ли не в глобального игрока в исламском мире. Во-первых, в отличие от Афганистана, находящегося под властью талибов, оно находится не на периферии, а в самом центре исламского мира. Во-вторых, ряд исламистских организаций Северной Африки и Африки южнее Сахары уже присягнули ему на верность [см., например: Швицер 2015]. В-третьих, связь с исламской диаспорой, в том числе с неопфитами из числа местных жителей в Европе, Америке и странах бывшего СССР, включая Россию, дает ему большие возможности для террористической деятельности по всему миру, возможно, даже несоизмеримые по своей перспективе с той, которой обладали террористические сети в предыдущие десятилетия.

Следует напомнить, что современный ближневосточный конфликт, в который сегодня прямо или косвенно вовлечены большинство стран региона и эпицентром которого в настоящий момент являются территории двух стран – Сирии и Ирака, не сразу обрел черты, присущие ему в последнее время. В своем развитии он прошел ряд этапов, каждый из которых характеризовался изменением его характера, динамики, состава участников и, что особенно важно отметить, последовательной эскалацией с расширением территориальных рамок и количества участвующих в нем сил. Вместе с тем менялся характер и возрастал потенциал исходящих от него угроз, в том числе и выходящих за региональные рамки.

Начало сирийского конфликта

На первом этапе этот конфликт, начавшийся, собственно говоря, в Сирии, проявлял себя почти полностью как внутрисирийский, поэтому он рассматривался как одно из логичных событий Арабской весны. Имелся целый ряд причин внутрисирийского кризиса (см. *Главу 3*), но многие из них коренились уже в самой демографической структуре населения Сирии. Имеет смысл повторить не-

которые данные, приводимые в *Главе 3*. На 2011 г. население страны составляло около 22 млн человек [World Bank 2014; 2015]. В составе населения, как мы видели, наряду с арабами есть достаточно значительное (10 %) курдское меньшинство (продолжающее играть очень важную роль в конфликте), которое в последнее время существенно увеличило свою численность за счет беженцев из Ирака. Наряду с мусульманами и алавитами² имеется и значительное меньшинство христиан (10 % населения), а также относительно небольшое (около 3 % населения), но достаточно заметное в политическом отношении друзское меньшинство [World Bank 2014]. Крайне важно, что среди мусульман доминировали сунниты (70 % от общего числа мусульман³). Алавиты, которые являются меньшинством (около 12 %), в то же время занимали ключевые позиции в государстве и армии. Все это предопределило одну из главных линий противостояния на первом этапе. Иными словами, протестное движение неминуемо должны были возглавить арабы-сунниты как представители этноконфессионального большинства, что, собственно, и произошло уже на первых этапах развития политического процесса в 2011 г.

Как уже сказано в *Главе 3*, антиправительственные демонстрации и волнения в Сирии начались 26 января 2011 г., то есть на следующий день после массовых протестов на площади ат-Тахрир в Египте. А эскалация конфликта произошла с 15 марта. Уже в начале июня в акциях протеста в стране приняло участие около 3 млн человек [Коротаяев, Исаев, Шишкина 2013]. Все чаще стали раздаваться требования смены политического режима. Как уже говорилось, режим президента Башара ал-Асада предпринял ряд мер, чтобы ослабить накал конфликта и расширить собственную политическую и социальную базу. В частности, был отменен режим чрезвычайного положения, выпущен из тюрем целый ряд политзаключенных, смещены многие губернаторы провинций, признана правомерность ряда требований протестантов. Эти меры, принятые президентом, также были направлены на то, чтобы вызвать раскол в рядах оппозиции, нейтрализовать ее умеренную часть, а в лучшем случае привлечь ее на сторону режима. Добиться этого удалось лишь частично.

² Алавизм порой рассматривают как крайнее направление шиизма, но иногда и как самостоятельную религию, выделившуюся из ислама [см., например: Friedman 2010].

³ При включении туда алавитов.

С лета 2011 г. началось формирование Сирийской свободной армии, основной костяк которой составили офицеры, дезертировавшие из сирийской армии [см., например: Nasr 2012a; Васильев 2012], причем дезертиров среди военнослужащих, по некоторым (возможно, завышенным) данным, насчитывалось до 60 тыс. человек [Васильев 2012]. К ним присоединялись либо действовали отдельно военизированные отряды исламистов, сформировавшиеся в условиях исламистского подполья, имевшего традиционное влияние в ряде центральных городов страны, прежде всего в Хомсе и Хаме, а также в восточных провинциях. При этом следует учитывать, что ряд вооруженных исламистов приобрели немалый боевой опыт, участвуя в борьбе против американских оккупационных войск в Ираке начиная с 2003 г., в том числе в рядах организации «Ал-Каида в Ираке», возглавляемой иорданцем Абу Мусабом аз-Заркауи вплоть до его гибели. Это был начальный этап становления радикальной оппозиции, поскольку Сирийскую свободную армию, вставшую на путь вооруженной борьбы с режимом, тем более объединявшихся с ней либо действовавших отдельно отрядов исламистов вряд ли можно причислить к умеренным оппозиционным силам именно по критерию формы противоборства с существующей властью.

Что касается умеренной оппозиции, придерживавшейся не вооруженных, а политических методов борьбы, то именно здесь первоначально, в 2011 г., и произошла основная линия размежевания. Первая коалиционная организация, включавшая ряд левых и либеральных сил, в том числе Компартию Сирии – Национальный координационный комитет за демократические перемены (НККДП), стояла на позициях мирной борьбы за изменение режима, вторая, Сирийский национальный совет (СНС), выступала в поддержку Сирийской свободной армии (ССА) и придерживалась вооруженных методов борьбы. Но именно это обстоятельство (переход СНС исключительно к вооруженному пути борьбы с сирийским режимом) означало и переход руководства СНС в ряды радикальной оппозиции, несмотря на то, что к созданию его в той или иной мере были причастны некоторые либеральные или консервативные в прошлом деятели, которые так или иначе определенное время были частью сирийского истеблишмента, а также занимали высокие политические посты.

Обращает на себя внимание и тот факт, что в то время как НККДП был создан и все время продолжал функционировать на территории Сирии, в первую очередь в ее столице, СНС был организован за рубежом, в Стамбуле, и, несмотря на заявленное стремление включить в организацию большинство оппозиционных представителей, на деле в его состав вошло крайне ограниченное число представителей политических, этнических и конфессиональных групп, включая «Братьев-мусульман», Ассирийскую демократическую организацию и курдскую партию «Движение за курдское будущее». Остальные члены СНС представляли в основном небольшие диссидентские группы сирийской эмиграции. Так или иначе СНС ни на момент своего создания, ни в последующем не смог привлечь в свое руководство ни одной знаковой фигуры, обладавшей достаточной степенью общественного авторитета и политической харизмы.

Указанные обстоятельства позволили ряду исследователей, в частности российских, рассматривать НККДП в качестве «системной» оппозиции, а СНС – в качестве «внесистемной» [Шишкина 2012]. В политической практике это дало сирийскому режиму возможность маневра, заключавшегося в реальных перспективах расширения своей социально-политической базы за счет постепенного привлечения на свою сторону по крайней мере части тех реальных и потенциальных секторов оппозиции, которые присутствовали на внутреннем политическом поле, и нейтрализации других, при одновременном игнорировании СНС не только как «внесистемной» оппозиции, но и как оппозиции, созданной за рубежом при участии внешних сил и мало кого представляющей в сирийском обществе [об успехах режима ал-Асада см., например: Balanche 2013].

Особенно очевидно это стало в 2012 г., когда, по сути, начался новый этап конфликта. Он приобрел ряд принципиально иных черт и международный размах. Очень важно отметить первые с 1963 г. выборы в парламент на альтернативной многопартийной основе, произошедшие 8 мая 2012 г. Выборы стали возможны благодаря перемирию, начавшемуся 12 апреля 2012 г. Победа на них блока «Национальное единство» во главе с партией «Баас», как и само проведение выборов и процент участия в них, укрепили легитимность режима на внутривнутриполитическом поле. Однако это совсем не означало перелома в ходе гражданской войны.

Эти перемены также никак не отразились на ситуации вокруг Сирии: внешняя изоляция режима на региональном и международном уровнях и поддержка, оказываемая вооруженной оппозиции, нацеленной на его свержение, продолжали нарастать. Таким образом, в 2012 г. произошла фактическая интернационализация конфликта. Начала складываться региональная и международная коалиция поддержки вооруженной оппозиции и противодействия сирийскому режиму [Исаев 2012б].

Выход на авансцену радикального исламизма и внешние силы

Как уже упоминалось в *Главе 3*, в середине 2012 г. стало казаться, что вооруженная оппозиция и поддерживавшие ее арабские и западные страны добились решительного перелома в войне. Так, в июле 2012 г. бои шли на улицах Дамаска, а в начале августа повстанцам удалось захватить значительную часть северной столицы страны Алеппо [см. подробнее: Сирук 2012; Nasr 2012b; Secker, Russell 2012]. Казалось, что падение режима ал-Асада уже не за горами.

Однако именно в этот период стал проявляться первый неожиданный фактор в характере внутрисирийского конфликта, который вскоре поставил под вопрос всю стратегическую линию действий внешних по отношению к нему сил. Уже в ходе боев за Алеппо выяснилось, что лидирующей силой в боевых столкновениях оказалась вовсе не ССА, а никому дотоле не известная «Джабхат ан-Нусра»⁴, которая на поверку оказалась не чем иным, как организацией «Ал-Каиды» в Сирии и Ливане⁵. Силы этой организации стали стремительно нарастать, к ней присоединились 12 других организаций исламистской направленности, в том числе такие уже получившие известность, как «Ахрар аш-Шам», «Лива ат-Таухид», «Ахрар Сурийа», «Лива ислами», которые до этого действовали под эгидой Сирийской свободной армии (ССА), причем некоторые из них насчитывали от 3000 до 5000 бойцов, а в ходе боев за Алеппо на сторону «Джабхат ан-Нусра» перешла и целая бригада ССА.

Поэтому к концу 2012 г., на который было намечено создание единой политической силы сирийской оппозиции, поддерживаемой

⁴ Полное название – *Джабхат ан-нусра ли-ахл аш-Шам*, что в переводе с арабского означает «Фронт поддержки народа Сирии».

⁵ По некоторым данным, с ноября 2012 г. на территорию Сирии проникли 6000 боевиков «Ал-Каиды» [Nasr 2012a].

арабскими и западными странами, военной опорой которой внутри Сирии должна была по-прежнему быть Сирийская свободная армия, последняя уже утратила роль ведущей силы вооруженной сирийской оппозиции. На ее место выдвинулась «Джабхат ан-Нусра», которая выразила свое отношение к Национальной коалиции сирийских революционных и оппозиционных сил (НКСРОС) совершенно определенно: назвала ее «предательской организацией», подчиняющейся интересам США и других западных стран. Отношение же западных стран (как и международного сообщества в целом) к «Джабхат ан-Нусра» тоже проявилось достаточно определенно: она была признана террористической организацией.

Отношение ближневосточных стран и сил к этой организации было не столь однозначным. Представители нефтяных монархий официально не признали ее террористической, а в неофициальном порядке некоторые выражали несогласие с «наклеиванием на моджахедов ярлыка террористов», по крайней мере до тех пор, пока не выявились их самые одиозные выходки. Турция официально присоединилась к признанию «Джабхат ан-Нусра» террористической организацией, однако именно через турецкую территорию осуществлялись поставка ей вооружения и, что не менее важно, проникновение увеличивающегося числа наемников и добровольцев из арабских и других мусульманских стран, а также из стран Запада и республик бывшего СССР.

Здесь представляется особенно важным акцентировать внимание на разрыве, произошедшем уже в конце 2012 г. Речь идет о разрыве между оппозицией, как ее хотели бы видеть международные и региональные круги, позиционировавшие себя в качестве «друзей Сирии» (то есть противников существующего в ней режима), и на которую они делали ставку, и сформировавшейся к этому времени главной силой оппозиции. Последняя не только проявила враждебность по отношению к так называемой умеренной оппозиции, но и вовсе не вписывалась в стратегию событий, начертанную извне, а фактически в дальнейшем спутала все карты внешним игрокам. Проще говоря, Запад и региональные режимы сделали ставку на Сирийскую свободную армию (ССА), а главным бенефициаром развития событий стали вовсе не представляемые ею либеральные и умеренные исламские круги, а радикальные исламисты, представленные на тот момент в первую очередь организацией «Джабхат ан-Нусра».

Далее рассмотрим, как «пазл» совпадающих интересов Запада и региональных режимов стал рушиться уже в конце 2012 г. Во-первых, Арабская весна в целом вышла за границы представлений о повсеместной, а тем более устойчивой победе коалиции либерально-демократических и умеренно-исламистских сил как модели поступательного социально-политического развития ближневосточных обществ. Единственным исключением, где такая модель оказалась хоть в какой-то мере жизнеспособной, стал Тунис (см. *Главу 7*). А, например, в Ливии не только развалилась наспех сколоченная «лоскутная коалиция разномастных сил», но в результате начавшейся в мае 2014 г. второй волны ливийской гражданской войны распалось и само государство.

Во-вторых, к этому времени уже окончательно выявились особенности развития процесса в Сирии. В частности, дестабилизация пришла не на центр, а на периферию. Центр оказался на стороне режима и был потерян для оппозиции. Процесс размежевания при нарастании конфликта в большей степени захватывал оппозицию, чем сам режим. Мало того, оппозиция все более радикализировалась, причем в неприемлемом для Запада крайне исламистском направлении. Сам же Запад упорно продолжал цепляться за уходящий образ либерально-исламистской коалиции (чего стоит в этом контексте одна фигура руководителя коалиции христианина Джабры), в то время как под ней «расползалась» социально-политическая почва.

В-третьих, турецкие региональные амбиции в 2012 г. в целом еще представлялись оправданными. Существенная переориентация Турции с вектора европейской интеграции на ближневосточное и – более широко – панисламское направление, которая обозначилась с самого начала прихода к власти Р. Эрдогана и руководимой им Партии справедливости и развития, к этому времени принесла определенные результаты в виде значительного укрепления позиций страны в исламском мире в целом и на Ближнем Востоке в частности. Ряд знаковых шагов турецкого руководства в этом направлении (особая позиция в ходе иракской экспедиции США и их союзников; поддержка Палестинского государства; помощь сектору Газа во время его блокады Израилем и инцидент с израильским конвоем, в ходе которого погибли турецкие граждане) внесли весомый вклад в рост авторитета Турции среди населения и политических кругов арабских стран. Впрочем, думается, главным фак-

тором возрастания этого авторитета все же была сама привлекательность турецкой модели, обеспечившей впечатляющий экономический рост и социальный прогресс в мусульманской стране, где к власти пришла партия, идеологией которой является политический ислам. Вряд ли стоит сомневаться, что этот пример имел значение и в ходе Арабской весны: нельзя не обратить внимание хотя бы на тот факт, что названия созданных исламистами партий в Египте и Тунисе перекликаются с турецкой Партией справедливости и развития (о том, как турецкая модель привлекала революционеров в Тунисе, см. в *Главе 7*).

Однако тот же 2012 г. показал и ограничители на пути триумфального «турецкого марша» в регионе. Несмотря на исключительно теплый прием, который был оказан Р. Эрдогану во время его визитов в Тунис и Каир, среди тунисской и египетской общестственности практически сразу после них стала нарастать обеспокоенность по поводу возможных гегемонистских устремлений Турции в регионе, и, что особенно примечательно, эта озабоченность не в последнюю очередь обозначилась именно в исламистских кругах. Это стало особенно заметным в Египте в 2012 г., когда правящие исламистские круги в этой стране недвусмысленно выразили (в том числе и устами президента М. Мурси) собственные устремления к региональному лидерству.

Кроме того, эта озабоченность (причем не только в указанных странах, но и более широко – среди общественности и политических кругов региона) возрастала по мере углубления вовлеченности Турции в сирийский кризис, в которой небезосновательно усматривали возможность чрезмерного усиления ее позиций в регионе. Поэтому проведение учредительной конференции Национальной коалиции сирийских революционных и оппозиционных сил (НКСРОС) в декабре 2012 г. не на территории Турции, а в столице Катара Дохе следует рассматривать и как отражение противоречий между Анкарой и ее арабскими партнерами по поводу роли каждой из сторон и путей их взаимодействия в ходе сирийского кризиса.

Наконец, во второй половине 2014 г. стали очевидными, с одной стороны, недооценка Анкарой роли курдского фактора в сирийском и общерегиональном кризисе, а с другой – переоценка собственных возможностей воздействия на этот фактор.

В-четвертых, если по поводу западных держав еще можно утверждать, что они «плелись в хвосте» внутрисирийских событий, продолжая делать ставку на идею «умеренной оппозиции», то ведущих региональных игроков, таких как Саудовская Аравия и Катар, вряд ли можно заподозрить в непонимании того, что происходит на самом деле. Поэтому когда они инициировали создание НКСРОС в Дохе, с достаточной уверенностью можно было предположить, что с их стороны речь шла об «азартной игре», связанной с дальнейшей эскалацией конфликта: НКСРОС в этом случае была уготована лишь роль «крыши», с помощью которой будет оказываться поддержка, а реальная ставка будет сделана на радикальную оппозицию в лице «Джабхат ан-Нусра». Вряд ли они при этом полностью адекватно оценивали все региональные последствия эскалации конфликта, которая в этом случае должна была произойти, и совершенно очевидна их явная переоценка уровня своего контроля над этой радикальной исламистской организацией, являющейся сирийским филиалом «Ал-Каиды». Но расчет на то, что через дальнейшую радикализацию конфликта удастся вовлечь Запад в сирийский конфликт по ливийскому сценарию, был достаточно реалистичным и, как показали дальнейшие события, весьма близким к реальному воплощению.

В-пятых, позиция Израиля, связанная с попыткой через своих американских союзников сделать ставку в разгорающемся суннитско-шиитском противостоянии на консервативные суннитские режимы, в первую очередь Саудовскую Аравию, подверглась довольно существенному испытанию. Исходя из логики противостояния прежде всего с ХАМАС и «Хезболлой», Израиль оказался в определенной мере вовлеченным в сирийский конфликт. Но с приходом к власти в Египте «Братьев-мусульман» ХАМАС полностью переориентировался с Дамаска на Каир и другие суннитские источники поддержки, связь между ХАМАС и «Хезболлой» оказалась разорванной, и реальная региональная опасность для Израиля стала исходить уже не из шиитского лагеря.

Таким образом, к 2013 г. произошло существенное переформатирование структурно-функциональных составляющих конфликта, включая не только его внутрисирийское, но и региональное измерение. При этом многие компоненты конфликта стали развиваться вопреки ожиданиям и расчетам большинства его участников, и даже там, где эти расчеты продолжали оставаться

реальными, их дальнейшее прогнозирование вызывало растущие сомнения.

Курдский фактор и изменение ситуации в 2013 г.

Переход к следующей фазе конфликта в 2013 г. был обусловлен рядом внутрисирийских и региональных факторов и событий, придавших конфликту новые измерения и полноценные черты уже не внутривосточного, а регионального.

Что касается событий внутри Сирии, существует необходимость некоторой дальнейшей детализации демографических данных, позволяющей глубже осознать динамику изменения соотношения сил не только на социально-политическом, но и на этноконфессиональном уровне, с учетом также географического контекста и (не в последнюю очередь) военно-политической составляющей.

Как уже было сказано, среди населения Сирии по религиозному признаку преобладают мусульмане-сунниты, а власть фактически принадлежала религиозному меньшинству – алавитам. Это и определило на первом этапе значимую роль суннитов в протестах. Однако по мере развития конфликта в условиях крайней радикализации оппозиции и прихода на доминирующие позиции в ней экстремистов, ведущих войну на уничтожение не только всех иных конфессиональных и этнических групп, но и «неправильных» мусульман из числа самих суннитов, эта линейная картина стала претерпевать достаточно быстрые изменения. Во-первых, режиму удалось показать себя защитником всех конфессиональных меньшинств, прежде всего христиан и друзов, за счет чего его номинальная конфессиональная база возросла примерно вдвое – почти до 30 %. Во-вторых, его действия были направлены на то, чтобы расколоть суннитское большинство. Помимо достаточно эффективных политических мер, о которых уже говорилось выше, существенную роль в этом отношении призван был сыграть (и действительно сыграл) курдский фактор.

Уже на начальной стадии конфликта, в апреле 2011 г., Б. ал-Асад встретился с рядом курдских лидеров, и по итогам этой встречи был издан президентский указ о предоставлении сирийского гражданства курдам, проживающим в северо-восточной провинции Ал-Хасака. Он коснулся немалого числа курдских граждан – 150 тыс. человек. Тем самым была ликвидирована историческая несправедливость в отношении этого народа, но не менее важным

был сигнал, именно так и воспринятый курдами, о готовности режима идти по пути дальнейшего расширения их прав в направлении автономии. После этого чаша весов в курдском общественном мнении, колебавшемся между режимом и оппозицией, качнулась в сторону сотрудничества с режимом.

Следует отметить, что курдский вопрос имел здесь двойное значение, поскольку он касался не только борьбы с оппозицией, но и сирийско-турецкого противоборства.

Турция с самого начала пыталась учитывать курдский фактор в сирийском вопросе. Но для этого ей прежде всего было необходимо наладить отношения с курдами внутри самой Турции. И такие переговоры турецкая администрация начала в первые месяцы 2012 г. с находящимся в пожизненном заключении лидером Рабочей партии Курдистана (РПК) А. Оджаланом. При этом была разработана дорожная карта турецко-курдского урегулирования: турецкая сторона настаивала на прекращении курдами вооруженной борьбы и отказе от сепаратизма (то есть фактически от требований автономии) в обмен на последующее начало реформ по обеспечению права курдов на образование на родном языке и увеличение квоты последних при выборах в турецкий парламент.

Для курдов это соперничество в любом случае оборачивалось усилением позиций и в Сирии, и в Турции. Но сирийский режим в разыгрывании курдской карты опережал турецкое руководство не только по времени, но и в политической плоскости.

Это стало особенно очевидным в 2012 г. Уже с начала года поддержку режиму начала оказывать крупнейшая курдская партия на сирийской территории – Курдский демократический союз (КДС), тесно связанный с турецкой РПК. В июле 2012 г. из Сирийского Курдистана были выведены правительственные войска, что открывало путь не только для формирования повсеместно курдской администрации (этот процесс подспудно начался ранее), но и для фактического установления безальтернативной курдской власти в районах Сирийского Курдистана. Иначе говоря, без формального объявления автономии процесс автономизации Курдистана уже начался. Его дальнейшее закрепление состоялось в конце ноября в столице Иракского Курдистана Эрбиле, где при посредничестве его президента М. Барзани было достигнуто соглашение между КДС и другой крупнейшей партией – Курдским национальным советом (КНС) об объединении усилий в деле достижения автономии. Кро-

ме всего прочего это означало, что КНС, который до того проявлял колебания в вопросе о поддержке сирийского режима, склонялся на сторону союза с ним, и подавляющее большинство курдского общества в Сирии консолидировалось на проправительственных позициях. В этот период были отмечены не только заявления курдских лидеров о том, что они являются гражданами единого сирийского отечества, но и активизация сирийских вооруженных отрядов в борьбе с вооруженными силами радикальной оппозиции [см.: Люлько 2013а; 2013б].

Таким образом, курдский фактор к началу 2013 г. стал играть существенную роль в том серьезном переломе, который наметился на фронтах гражданской войны.

Дело в том, что курдам объективно принадлежит важная стратегическая роль на сирийско-турецкой границе. Большая часть курдского населения проживает на северо-востоке Сирии в уже упоминавшейся провинции Ал-Хасака, включая фактическую столицу Сирийского Курдистана г. Эль-Камышлы. В этом регионе Сирийский Курдистан смыкается с Иракским и Турецким Курдистаном, перекрывая значительную часть возможных путей снабжения сирийской оппозиции с территории Турции и одновременно обеспечивая поддержку сирийских курдов с сопредельных курдских территорий Турции и Ирака. Но еще один крупный курдский анклав расположен на Западе, примыкая к средиземноморскому побережью к северо-западу от Алеппо. Часть курдской диаспоры проживает и в самом Алеппо.

Уже в конце 2012 и начале 2013 г. произошли значительные столкновения между курдами и исламистами, причем не только в пограничных курдских районах, но и в Алеппо. Ответные (на выступления курдов) зверства боевиков «Джабхат ан-Нусра» по отношению к мирному курдскому населению привели к тому, что курды стали перекрывать пути их снабжения с территории Турции.

Это изменение соотношения сил сказалось и на значительной части суннитского населения. Около трех миллионов сирийцев, преимущественно суннитов, эмигрировали в сопредельные районы Иордании, Турции и Ливана. Но социальная база поддержки оппозиции сужалась не только за счет этого. У многих граждан, в том числе и принадлежащих к суннитской конфессии, несмотря на

неприятие сирийского режима, действия исламистских боевиков вызывали растущее отторжение.

На этом фоне началось активное наступление сирийской армии на целом ряде фронтов, чему способствовало также изменение тактики вооруженных сил – переход от попыток фронтального наступления к концентрированным ударам по скоплениям боевиков и использование иррегулярных мобильных формирований партизанского типа, чьи действия оказались особенно успешными в условиях городской войны в Дамаске и Алеппо.

Дамаск, за исключением некоторых пригородов, оказался практически полностью освобожден от исламистских сил, в Алеппо также были достигнуты серьезные успехи.

В юго-западных районах страны на помощь сирийскому режиму выдвинулись отряды «Хезболлы», имеющие длительный боевой опыт гражданской войны в Ливане, а также военного противостояния Израилю. Нанеся серьезный урон исламистским отрядам, они фактически коренным образом изменили соотношение сил в пользу сирийского режима в этой части страны и почти полностью перекрыли пути снабжения суннитских боевиков с территории Ливана. Таким образом, общее стратегическое соотношение сил к лету 2013 г. изменилось в пользу режима Б. ал-Асада. Хотя в чисто географическом отношении большая часть страны по-прежнему контролировалась боевиками «Джабхат ан-Нусра», это были преимущественно районы Сирийской пустыни, в наиболее населенных районах центра, севера и запада страны военно-политическое превосходство режима стало очевидным.

Истоки и история «Исламского государства»

На стороне оппозиции в возрастающих масштабах стали сражаться наемники из арабских и других мусульманских стран, а также мусульмане из стран Запада и СНГ, включая Россию. Их количество уже в 2013 г. стало исчисляться тысячами. Они пользовались военной и финансовой поддержкой со стороны не только общественных фондов и финансовых кругов ряда нефтедобывающих арабских стран Персидского залива, но и со стороны правящих режимов Саудовской Аравии и Катара.

В апреле 2013 г. на сирийском театре военных действий, помимо чисто сирийской по своему происхождению (имея в виду, что она была создана на базе сирийского отделения «Ал-Каиды»)

«Джабхат ан-Нусра», появились боевики действовавшей до этого в основном в иракской провинции Ал-Анбар и осуществлявшей террористические акты практически на всей территории Ирака организации под названием «Исламское государство Ирака». 8 апреля 2013 г. она официально объявила о включении Сирии в свою сферу действий и соответственно о своем переименовании в «Исламское государство Ирака и Леванта»⁶ [ISI Confirms... 2013]. Таким образом, эта организация была создана на базе «Исламского государства Ирака» (иракского отделения «Ал-Каиды»), активно действовавшего там в течение десятилетия. Теперь же она заявила о себе как структура, несущая прямую угрозу существованию уже двух национальных государств.

Вопрос, в чем причина быстрых успехов этой организации, пока не имеет достаточно полного ответа. Вопрос же о ее происхождении особых споров уже не вызывает – большинство аналитиков считают, что движение это имеет уже по крайней мере более чем десятилетнюю историю, а с учетом ее духовных связей с «Ал-Каидой» и еще большую.

Как и в отношении «Ал-Каиды», причины появления ИГИЛ лежат в дезинтеграции ближневосточных государств и усилении в результате возникшей анархии радикального исламизма, а также в более или менее последовательном поощрении таких движений ради выгоды тех или иных геополитических игроков. Как пишет Э. Йылдызоглу [2014], ИГИЛ сформировалось как результат двух векторов, порожденных фиаско имперской политики США. Первый из них – шиито-суннитский конфликт, всплывший в тот момент, когда США оказались не в силах подавить сопротивление в Ираке (американцы не смогли совладать с религиозно-этнической враждой, вышедшей из-под контроля в силу свержения Саддама и провокации со стороны самих Соединенных Штатов). Второй – вакуум власти и отдельные неуправляемые территории, которые стали возникать в Северной Африке, на Ближнем Востоке (в Ливии, Сирии) в результате арабских восстаний. К этому следует добавить также в целом ошибочную внешнюю политику большинства держав, которые раскрыли

⁶ В арабском оригинале – *ад-Даула ал-исламийя фи-л-Ирак ва-ш-Шам*. Отметим, что последнее слово (*аш-Шам*) имеет в арабском языке два значения. Оно может обозначать и собственно Сирию, и более широкий регион, включающий в себя еще и Ливан с Палестиной (то есть Левант).

объятия самым радикальным крыльям политического ислама и в конечном счете утратили доверие традиционных друзей и союзников в регионе и на Западе.

Таким образом, история ИГИЛ начинается с американской оккупации Ирака. В 2003 или, по другим данным, в 2004 г. иорданец Абу Мусаб аз-Заркави учредил региональное отделение «Ал-Каиды». Эта организация представлялась в дальнейшем как «Месопотамская Ал-Каида» или «Иракская Ал-Каида». После гибели Абу Мусаб аз-Заркави в 2006 г. в результате американской бомбардировки новым эмиром движения стал Абу Омар ал-Багдади (Багдади Первый, не путать с современным лидером Абу Бакром ал-Багдади). Он и провозгласил «Исламское государство Ирака» (ИГИ). Эта организация в 2004–2010 гг. упрочила свое положение. Озан Ормеджи (2014) выделяет несколько важнейших этапов в развитии ИГИЛ.

Первым поворотным пунктом после уничтожения в ходе операции, проведенной американской армией в 2010 г., лидера организации Абу Омара ал-Багдади и его помощника Абу Хамзы ал-Мухаджира стал переход руководства организацией в руки Абу Бакра ал-Багдади. В результате его лидерства сила и численность членов организации заметно возросли.

Вторым важным событием для организации стал вывод американской армии из Ирака в 2011 г. Благодаря этому ИГИ расширило сферу своих действий и за короткий период стало набирать силу среди суннитских группировок в Сирии и Ираке (превратившись в конечном счете в апреле 2013 г. в ИГИЛ). Третьим значимым для организации поворотным пунктом стала гражданская война в Сирии. «Исламское государство Ирака и Леванта» появилось на сирийском театре боевых действий в 2013 г. в результате слияния иракских и сирийских суннитских группировок [Добров 2014]. Оно быстро взяло под свой контроль значительную часть районов Сирии, занятых до этого умеренной сирийской оппозицией, а также «Джабхат ан-Нусра». Вследствие ошибочной политики правительства Нури ал-Малики в Ираке ИГИЛ удалось завоевать доверие суннитского народа и захватить ряд городов [Ормеджи 2014].

Многие аналитики и обозреватели отмечают большую роль в становлении «Исламского государства» внешнего фактора. Например, Д. Добров [2014] считает, что так же, как «Ал-Каида»

и «Талибан», ИГИ/ИГИЛ/ИГ было изначально создано при поддержке спецслужб США и стран Персидского залива. Чрезвычайно активно исламистам помогали Турция, Катар и Саудовская Аравия, особенно в период, когда ИГИ/ИГИЛ боролась с сирийской правительственной армией на севере страны. Сейчас Катар и страны Персидского залива категорически отрицают свою причастность к финансированию ИГИЛ, но ни для кого не секрет, что стратегической задачей суннитских монархий является борьба с «шиитским поясом» от Ливана до Ирана, включая Сирию и Ирак, и они готовы ради этого заключить соглашение с кем угодно. На первом этапе главным союзником ИГИЛ в Сирии стал фронт «Ан-Нусра», состоящий из сирийских и международных джихадистов и активно финансировавшийся Катаром. Однако вскоре ИГИЛ оказался в сложных отношениях с этой организацией, которая считается официальным подразделением «Ал-Каиды» в Сирии. После серии побед ИГИЛ/ИГ в Ираке в его ряды влилось много бойцов «Ан-Нусры» [Добров 2014]. Роль таких стран Залива, как Саудовская Аравия и Катар, а также Турции в создании для ИГИЛ очень важной опоры подчеркивает и О. Ормеджи [2014]. После победоносного наступления в Ираке в июне 2014 г. ИГИЛ превратилось в ИГ, или халифат («Исламское государство»). Несомненно, важной датой короткой истории ИГИЛ является 29 июня 2014 г., когда его лидер Абу Бакр ал-Багдади провозгласил себя халифом, а подконтрольные его движению территории Сирии и Ирака – халифатом.

Как пишет Г. Вуд [Wood 2015], до лета 2015 г. единственным изображением Абу Бакра ал-Багдади была нечеткая фотография, оставшаяся после пребывания этого человека в американской тюрьме «Кэмп-Букка» во время оккупации Ирака. И вот 5 июля прошлого года он взшел на минбар мечети ал-Нури в Мосуле, чтобы прочитать проповедь в праздник Рамадан в качестве первого халифа за долгие годы. В тот момент повысилось качество его изображения на пленке, а также его статус, поскольку из партизана, за которым ведется охота, он превратился в главнокомандующего всех мусульман. Багдади говорил на камеру всего один раз. Но его выступление, а также бесчисленные пропагандистские видеоклипы и послания ИГИЛ присутствуют в Интернете. В итоге усилился наплыв в ИГ джихадистов со всего мира, который сегодня приобрел невиданные масштабы и темпы.

Хотя ИГ не скрывает, что ведет свое происхождение от бен Ладена (об этом говорится, например, в выпущенном им подобии информационно-рекламного ролика в ноябре 2014 г.), по мнению Доброва, халифат принципиально отличается от уже известных исламистских движений – «Братьев-мусульман», «Ал-Каиды», ХАМАС, «Хезболлы», фронта «Ан-Нусра» и т. д. Например, ИГ ставит на первый план идею «исламско-суннитского интернационала» и имеет намерение стать его ядром. В этом его реальное отличие от движений типа ХАМАС или «Талибан», которые решают чисто национальные задачи. ИГ, являясь «дочкой» «Ал-Каиды», имеет ту же идеологию и цели, однако это уже не террористическая организация классического типа, а «государственный проект», рассчитанный на построение халифата и контроль всех сфер жизни. Основная цель организации заключается в создании на территории Ирака и Сирии, преимущественно в их северном сегменте, где большинство составляют арабы-сунниты, туркмены и курды, шариатского государства, основанного на салафитской трактовке ислама [Ормеджи 2014]. Бен Ладен считал терроризм прологом к халифату, возникновения которого при своей жизни он не ждал. Его организация была гибкой, имела широкий географический охват и состояла из множества автономных ячеек. В отличие от «Ал-Каиды» ИГИЛ для поддержания легитимности требуется территория, а также иерархическая структура, чтобы управлять этой территорией (его бюрократия поделена на гражданскую и военную, а территория – на провинции) [Wood 2015]. Отметим, что методы вооруженной борьбы ИГИЛ еще более жестокие и радикальные, чем у «Ал-Каиды», включая запрещенные виды оружия и безжалостный террор. Также необходимо указать на буквальное (и потому ужасающее) возвращение к изначальной практике мусульман (включая возрождение рабства, средневековых форм уголовных наказаний и жестокие казни). Налицо также откровенное восхваление жестокости и кровожадности. Все это делает ИГ гораздо более опасным в сравнении с «Ал-Каидой». Добров [2014] подчеркивает, что само слово «государство», или «халифат», говорит о форме общественного устройства, в которой война против «неверных» играет важную, но не единственную роль. ИГ взяло на себя функцию практической организации жизни на подконтрольных территориях и по-своему справляется с этой задачей, хотя и варварскими, средневековыми методами.

ИГИЛ первоначально заручилось безусловной поддержкой более мелких боевых группировок, таких как «Джейш ал-Фатихин», «Джейш ат-Таифа ал-Мансура», «Катаиб Ансар ал-Тавхид ва-с-Сунна» и «Джунд ас-Сахаба», а также длительное время пользовалась полной поддержкой «Ал-Каиды» [Ормеджи 2014]. Но позже между ними произошел разрыв.

Неожиданные успехи ИГИЛ и их причины

Таким образом, в 2013 г. в рамках внутрисирийского конфликта появилась новая грозная (а главное, никем из мировых лидеров не контролируемая) сила в лице ИГИЛ. Поскольку ИГИЛ поддерживало суннитскую версию ислама, для алавитов и шиитов оно было крайне опасным. В результате в регионе стала формироваться противостоящая ИГИЛ шиитская ось. Помимо уже упоминавшегося вступления в вооруженную борьбу на стороне сирийского режима начиная с первых месяцев 2013 г. боевых отрядов «Хезболлы», осенью появились сообщения о направлении в Сирию на помощь режиму Б. ал-Асада из Ирана четырех тысяч бойцов Корпуса стражей исламской революции. Кроме того, ряд источников сообщал о том, что на стороне сирийского режима сражаются боевые отряды иракских шиитов, находящиеся в подчинении Мустафе ас-Садру, наиболее воинственному лидеру шиитов Ирака.

Таким образом, в регионе в рамках вооруженного противостояния сложились две противоборствующие политико-конфессиональные оси – суннитская и шиитская, и это противостояние затрагивало непосредственно интересы практически всех расположенных в нем государств, неся в себе потенциальную угрозу тотального распространения конфликта на региональном уровне.

На рубеже 2013–2014 гг. складывавшаяся в регионе обстановка, казалось, предвещала генеральное развитие дальнейших событий по пути усиления противостояния именно по линии противостояния этих двух региональных политико-конфессиональных осей, причем со складывающимся перевесом в пользу шиитской. Свидетельством этого были события, развивавшиеся в первые месяцы 2014 г. Продолжавшиеся столкновения между «Джабхат ан-Нусра» и ИГИЛ, унесшие, по некоторым данным, около 2000 жизней их участников, ослабляли общий потенциал суннитских радикалов, воевавших в Сирии, и позволяли вооруженным силам сирийского режима успешно наступать на их позиции. Относительный успех

ИГИЛ в противоборстве со своими радикальными конкурентами также был на руку сирийскому и иракскому режимам, тем более что руководство «Ал-Каиды» в лице Аймана аз-Завахири выразило в этом противоборстве однозначную поддержку «Джабхат ан-Нусра», признав его в качестве своего единственного легитимного филиала в Сирии, одновременно отказав в подобном статусе ИГИЛ.

При достаточной координации усилий между руководством Сирии и Ирака создавались условия для нанесения ими совместного решительного удара прежде всего по ИГИЛ, что могло бы способствовать достижению стратегического перевеса в противоборстве с радикальными исламистами в обеих странах.

Надо сказать, что ряд таких совместных ударов на пограничных территориях был действительно нанесен. Прежде всего речь идет о воздушных налетах на позиции ИГИЛ на пограничных территориях Ирака.

Однако в начале лета ситуация начала стремительно меняться, что стало совершенно неожиданным не только для местных и региональных сил, но и для глобальных центров, прямо или косвенно задействованных в данном ставшем уже региональным конфликте.

10 июня 2014 г. силами ИГИЛ был захвачен крупнейший город Северного Ирака Мосул, вскоре после этого в их руках оказался родной город Саддама Хусейна Тикрит, войска исламистов быстро приближались к столице страны Багдаду, от которого к концу июня их отделяло не более 80 километров. Регулярная иракская армия в ходе этого наступления оказалась практически разгромленной.

Несмотря на то, что дальнейшее продвижение на Багдад было все же остановлено, причем усилиями не столько регулярной армии, сколько радикальных шиитских группировок, обширные территории, захваченные ИГИЛ на территории Ирака, а также Северной Сирии, позволили группировке объявить себя состоявшимся государством. 29 июня 2014 г. вместо прежнего названия ИГИЛ было провозглашено создание «Исламского государства» (уже без территориальной привязки) в форме халифата.

На иракском театре военных действий в первые месяцы 2015 г. наметился некоторый перелом. В конце февраля – начале марта правительственные войска при участии шиитской милиции начали наступление на позиции «Исламского государства», и 11 марта им удалось отбить у него город Тикрит. При этом ряд источников со-

общал об участии в этой операции офицеров иранского Корпуса стражей исламской революции. Стратегической целью операции являлось возвращение под контроль иракского правительства Мосула, а также захваченных исламистами нефтепромыслов.

Однако надежды на коренной перелом в борьбе с исламистами в пользу правительственных сил как Ирака, так и Сирии оказались по меньшей мере преждевременными. Уже в мае отряды «Исламского государства» предприняли наступление на столицу провинции Ал-Анбар город Рамади. Оно оказалось для иракских правительственных войск столь же неожиданным, как и предшествовавшее ему наступление на Мосул. Во всяком случае оно повлекло такое же беспорядочное, похожее скорее на бегство отступление из этого важного административного центра, расположенного всего в нескольких часах пешего перехода от Багдада. За этим последовало паническое бегство из города местного населения.

Не менее примечательно и то, что практически одновременно с кампанией по взятию Рамади происходило стремительное продвижение отрядов ИГ и на сирийском театре, результатом чего стало овладение ими расположенным примерно в 200 км к востоку от Дамаска важным стратегическим центром Тадмуром (древней Пальмирой). Нельзя не отметить, что в отличие от 2014 г. ИГ в Сирии стало координировать свои действия с «Джабхат ан-Нусра» и другими разрозненными отрядами исламистских боевиков, что существенно изменило баланс сил в пользу исламистов, позволило им усилить свои позиции в ряде стратегически важных пунктов, включая пригороды Дамаска и ряд районов Алеппо. Это вновь поставило сирийский режим в критическое положение, не наблюдавшееся после начала 2013 г.

Существует целый ряд версий объяснения неожиданного успеха ИГИЛ. Большинство из них носит недостаточно глубокий, а иногда и откровенно конспирологический характер. Грубо говоря, они в основном сводятся к тому, что исламисты были «накачаны» оружием и деньгами Запада, прежде всего США, а также их региональных союзников – Саудовской Аравии, Катара, Турции (некоторые добавляют к этому ряду также Израиль), вследствие чего после массового притока наемников как из исламского мира, так и из стран Европы, Америки и постсоветского пространства они оказались в состоянии превратить это количественное накопление в новое качество, что привело к экспансионистскому взрыву.

Почти все перечисленные компоненты количественного накопления ресурсов так или иначе действительно имели место. Однако подобные простейшие, лежащие на поверхности объяснения не дают ответа на ряд не менее простых вопросов. А они существенны.

Во-первых, почему этот успех сопутствовал наиболее радикальным, по сути антизападным (и даже антитурецким, антисаудовским и уж точно антиизраильским) исламистам, а вовсе не силам национальной коалиции (НКСРОС), которых как раз «накачивали» и деньгами, и оружием почти все перечисленные страны?

Во-вторых, почему боевики из умеренных исламистских организаций массово переходили в лагерь наиболее радикальных, антизападных, антитурецких и антисаудовских исламистов? Простые объяснения (не без доли понятного злорадства) типа: «Вот, они их кормили, а против них же все и обернулось» – на самом деле ничего не объясняют, точно так же не был объяснен антизападный поворот «Ал-Каиды».

В-третьих, почему успех в противоборстве радикальных исламистских сил сопутствовал не более «сирийской» «Джабхат ан-Нусра», а более «иракскому» ИГИЛ, даже несмотря на поддержку первой со стороны руководства «Ал-Каиды»?

И, наконец, в-четвертых, почему после явного перевеса, достигнутого в ходе военной конфронтации с «Джабхат ан-Нусра», силы ИГИЛ двинулись вовсе не к Дамаску, а к Багдаду?

Ответы на эти вопросы на самом деле есть. Первый и главный из них заключается в самостоятельности, самодостаточности, в том числе ресурсной, радикальных исламистских организаций [см., например: Кронин 2015].

Самодостаточность зиждется прежде всего на самом исламском проекте. «Ислам – вот решение», – говорил Хасан ал-Банна. Вначале это был всего лишь лозунг, но Усаме бен Ладену в определенной степени удалось сделать его проектом возвращения к халифату. Причем сама сетевая структура «Ал-Каиды» уже использовала (с совершенно современным наполнением) ряд структур, заимствованных из исторического опыта арабского халифата, таких как джамааты (небольшие вооруженные группировки боевиков), имараты (военно-административные единицы на различных территориях во главе с боевым командующим, амиром) и пр. Эти структуры и сегодня продолжают существовать как на территории исламского мира, так и в странах, входящих в понятие «Дар ал-харб»,

включая многие государства Америки, Европы, Азии, Африки, постсоветского пространства, где присутствуют мусульманские диаспоры. Все это уже составляет достаточные точки притяжения для неудовлетворенных своим положением и существующим порядком в своих странах мусульман, включая неопитов.

Идеология ИГИЛ, вероятно, подкупает своей простотой, ясностью, бескомпромиссностью и возможностью для каждого, кто желает быть истинным мусульманином, найти свое место в объявленной борьбе с неверными. Этот феномен радикализма – чем примитивнее лозунг, тем он привлекательнее для малограмотных масс – в целом известен в истории различных движений. Кроме того, ИГИЛ в определенной мере играет на противоречиях между суннитами и остальными исламскими течениями, объявляя, по сути, первых истинными мусульманами, а остальных – неправильными. И в условиях указанных выше претензий сирийских (а также и иракских) суннитов к властям, которые пренебрегали их интересами, такой подход также мог дать идеологические очки ИГИЛ.

Идеологические и организационные компоненты (начиная от проповедей радикальных носителей идеологии исламизма и заканчивая вовлечением людей в боевые группы) создают основу главного, человеческого ресурса радикальных организаций, боевой костяк которых первоначально составляли те, кто приобрел опыт сражений в Афганистане. Затем этот костяк пополнялся воевавшими в Боснии, Алжире, Чечне и других горячих точках мира. Не приходится говорить, что помимо боевого опыта они отличаются чрезвычайной мобильностью, мотивированностью и нацеленностью исключительно на войну, поскольку это стало их единственной профессией.

Особо следует сказать о финансовом ресурсе. Базовой основой финансирования боевых радикальных исламистских групп начиная с «Ал-Каиды» стал «ал-хавалья» – финансовые потоки, формирующиеся из добровольных, но фактически обязательных ежемесячных взносов мусульман на благотворительность. Именно благодаря тому, что У. бен Ладену еще в годы Афганской войны удалось «оседлать» значительную часть этого обезличенного финансового ресурса, исчисляемого миллиардами долларов и не поддающегося никакому внешнему контролю, ему удалось превратить «Ал-Каиду» в могущественную глобальную организацию. Если к этому прибавить огромные ресурсы мусульманских благотворительных фон-

дов, контролируемых сочувствующими радикальному исламу религиозными финансистами в таких странах, как Саудовская Аравия, Катар, ОАЭ, Кувейт, и ряде других мусульманских государств, становится понятным, что не только «Ал-Каида», но и такие организации, как «Джабхат ан-Нусра» и ИГИЛ (созданные на базе филиалов «Ал-Каиды») изначально обладали достаточными финансовыми ресурсами, чтобы обеспечивать регулярных бойцов и новобранцев, осуществлять вербовку новых боевиков и закупать оружие в достаточных для ведения крупномасштабной сухопутной войны объемах.

Поэтому представления о том, что эти группировки удастся поставить под контроль политически или экономически, через финансовую подпитку по официальным или полуофициальным каналам, поставки оружия или разведывательные структуры, будь то ЦРУ или саудовская разведка во главе с Бендером бен Султаном, оказались не более чем иллюзией. Разумеется, исламисты не отказывались от подобной помощи, но это никак не определяло существования и направления их действий.

Победа ИГИЛ над «Джабхат ан-Нусра» (разумеется, не окончательная и неполная) объясняется, на наш взгляд, двумя факторами, на которые практически никто не обратил внимания поначалу.

Первый заключается в том, что эта группировка изначально объявила себя государством, причем государством юнионистским, уже реально действуя на территориях обоих государств, заявленных в ее названии, – Сирии и Ирака. Это привлекало как исламистов, для которых идеал исламского государства, кажется, становился близок к реальному воплощению, так и юнионистов, для которых идеалы панарабизма оставались актуальными, пусть и в радикальном исламистском варианте.

Второй фактор заключается в более качественном военном руководстве и планировании, а также осуществлении военных операций.

Это не было еще столь очевидным на сирийском театре военных действий, однако в полной мере проявилось в ходе иракского блицкрига, когда с ходу был взят Мосул, а затем и Тикрит, и судьба Багдада, казалось, висела на волоске.

Одной из главных причин этого успеха было то, что впервые за все время существования постсаддамовского Ирака произошло соединение двух главных оппозиционных сил суннитского ареала –

радикальных исламистов бывшей «Ал-Каиды» в Ираке и иракского баасистского партизанского движения, которые до самого недавнего времени не только действовали разрозненно, но и изначально отличались крайней взаимной враждебностью [о причинах успехов ИГИЛ в Ираке см. также: Коэн 2015; подробности о ключевых командирах ИГ см.: Ключевые командиры... 2015].

Одним из главных мотивов этого объединения стала общая угроза, исходившая из того, что наметившаяся координация действий сирийского режима с правительством Нури ал-Малики (при прямом или косвенном участии Тегерана) могла привести к разгрому и тех и других. Более того, шиитская «реконкиста», затронувшая не только районы южнее Багдада, но и саму столицу, несла потенциальную угрозу суннитской общине Ирака как таковой, о чем свидетельствовали не только политические действия Н. ал-Малики, ограничивавшие роль суннитов в политическом пространстве, но и удары, наносившиеся по суннитским племенам в провинции Ал-Анбар [Труевцев 2013].

К этому времени были амнистированы некоторые военные руководители, занимавшие различные посты в армии (и особенно в Национальной гвардии) в период правления Саддама Хусейна, осужденные в рамках кампании дебаасизации [Исаев 2015б]. Многие из них примкнули к подпольной вооруженной оппозиции. Именно это при соединении структур ИГИЛ со структурами баасистского партизанского движения дало ту синкретику, которая стала залогом их успеха в ходе кампании по захвату большей части «суннитского треугольника» в западной и центральной областях страны.

ИГ и изменение геополитической ситуации в регионе

Создание халифата на захваченных исламистами территориях Сирии и Ирака создало принципиально новую ситуацию в регионе.

Прежде всего следует отметить, что исламское государство в форме халифата впервые стало реальностью в новейшей истории. Уже само по себе это вносит совершенно новый аспект в современный исламский дискурс, давая весомый аргумент тем, кто утверждает не только возможность, но и неизбежность возвращения к исламским корням. Правда, на вопросы о реальной структуре государства и его атрибутов ответы пока неясны, кроме разве что

права на насилие, которое осуществляется с чрезмерным усердием. Однако что касается финансово-экономических основ этого государства, их база заложена при захвате Мосульского отделения Национального банка Ирака с его авуарами в несколько миллиардов долларов, а также нефтепромыслов в северной части страны, откуда успешно осуществляется контрабандная торговля нефтью. Таким образом, изначальная финансовая база, существовавшая за счет упоминавшихся уже традиционных для исламистов источников, серьезно, а возможно, и многократно пополнена за счет новых⁷.

После создания ИГ конфликт окончательно преодолел страновые рамки. Не говоря уже о землях Ирака и Сирии, террористическое государство непосредственно затрагивает территориальные интересы по меньшей мере еще трех стран региона, прямо угрожая их территориальной целостности, да и самому существованию. Речь идет о том, что ИГ непосредственно вышло к границам Турции, Иордании и Саудовской Аравии.

Существованием ИГ, однако, вовсе не исчерпывается характер угроз дальнейшего разрастания конфликта, как не ограничивается Турцией, Иорданией и Саудовской Аравией перечень стран, где не только существует опасность воздействия общерегионального конфликта на внутреннюю конфликтогенность, но и уровень внутренних конфликтов либо доходит до критической точки, либо уже перешел ее [Труевцев 2014а].

Таким образом, региональный конфликт приобрел поистине многомерный характер, что значительно повышает дальнейшие риски его разрастания в направлении любой из расположенных здесь стран и одновременно увеличивает риски перерастания любого из серьезных внутренних конфликтов в новый компонент общерегионального и мирового конфликта.

Подтверждением этому стало создание военной коалиции против ИГИЛ в сентябре – декабре 2014 года. Формально ее членами стали почти 60 государств, в том числе западных (НАТО и многие страны ЕС) и ближневосточных (Иордания, Марокко, страны Залива и Лига арабских государств – как коллективный член). Основ-

⁷ Бомбардировки российской авиацией нефтяных терминалов ИГ, колонн автомобилей, нелегально перевозящих нефть в Турцию и др., а также удары американской авиации по «банкам», где хранились наличные деньги, думается, все же сократили финансовые возможности террористических организаций.

ными военными действиями стали воздушные удары, но в целом действия коалиции оказались не слишком эффективными.

В сентябре 2015 г. российский президент В. В. Путин предложил США и западным странам создать новую, более эффективную коалицию против «Исламского государства» с опорой на наиболее важную военную силу – армию Башара ал-Асада. Однако западные страны не проявили активности в этом вопросе. В результате Российская Федерация вынуждена была оказать военную помощь законному сирийскому правительству ал-Асада собственными силами. 30 сентября 2015 г. российская авиация стала наносить воздушные удары по позициям исламских радикалов. В итоге сирийским войскам в конце 2015–начале 2016 гг. удалось захватить несколько важных населенных пунктов и заметно улучшить свое стратегическое положение.

Ярким примером неизбежного вовлечения в этот конфликт стала Турция (причем степень ее вовлеченности усиливается). Турецкое руководство оказалось практически перед тупиковым для него выбором в противостоянии между курдами и ИГ. Нападение исламистов на пограничный с Турцией курдский город Кобани (Айн ал-Араб) потребовало проведения против них наземной операции, которая могла быть осуществлена либо силами турецкой армии, либо силами боевых отрядов турецких курдов совместно с иракско-курдскими пешмерга. Турецкие власти долго отказывались и от собственного участия в операции, и от предоставления коридора для прохода курдских отрядов, несмотря на требования своих союзников по НАТО и региональных стран антиисламистской коалиции.

Их позиция была понятна: несмотря на потенциальные угрозы для Турции со стороны ИГ, это исламистское образование сегодня представляет собой единственный заслон на пути окончательного военно-политического объединения территорий сирийских, турецких и иракских курдов и создания их неподконтрольного Турции территориального единства. Но в конечном итоге в результате протестных волнений в Турецком Курдистане Турция была вынуждена пойти на оба этих шага – предоставить курдским боевикам возможность поддержать своих сирийских «собратьев» в противостоянии с исламистским геноцидом и обозначить участие своих войск в этой наземной операции, дабы сохранить хотя бы видимость контроля в данном пограничном районе.

Политический результат для турецкой власти можно резюмировать следующим образом. Во-первых, курды усилили свои политические позиции внутри Турции в процессе борьбы за автономию. Во-вторых, силы ИГ впервые в начале 2015 г. осуществили рейд на территорию Турции, показав, что они не только переходят с ней в открытую конфронтацию, но и в состоянии нанести ей ущерб (нападению сопутствовали новые идеологические установки со стороны ИГ с объявлением Османской империи «ненастоящим халифатом», что придает их противостоянию с Турцией историко-политический оттенок и может служить косвенным сигналом террористам внутри Турции для активизации их действий). В-третьих, и то и другое ослабляет позиции Р. Эрдогана в контексте прошедших парламентских выборов, давая его противникам повод обвинить его в слабости перед лицом радикальных исламистов и курдских сепаратистов. Эрдоган оказался в достаточно сложном положении. Бесспорно, для турецкой власти выбранная ею изначально политика невмешательства в конфликт с ИГ была бы наиболее выгодной, поскольку конфликт между курдами и ИГ лежит де-факто в фарватере политических интересов турецкого руководства, подрывая тем самым чаяния турецких курдов на получение автономии. Однако вылазки исламистов на территорию Турции по сути поставили под угрозу саму возможность дальнейшего бездействия Анкары. Поэтому Эрдоган вынужден воевать против своего «союзника» по курдскому вопросу – ИГ, подтверждением чему стали авиаудары, наносимые ВВС Турции по позициям исламистов [РБК 2015]. Правда, по большей части декларируемую войну против террористов ИГИЛ турки используют именно для борьбы против собственно курдов (Рабочей партии Курдистана), чего и не скрывают.

В Ливане следствием усиления региональной шиитской оси и активного участия «Хезболлы» в боях в Сирии стало усиление позиций шиитов во внутривосточном спектре. Ответом на это стала радикализация части ливанских суннитов, чего раньше на ливанской политической арене практически не наблюдалось. Правда, связи между ливанскими суннитами и суннитской оппозицией в Сирии складывались и ранее, но присутствие в стране (прямое или косвенное) «Джабхат ан-Нусра» (а сейчас не исключено, что и ячеек ИГ) создает новую ситуацию, вновь приближающую Ливан к опасной грани возвращения к гражданской войне.

В не менее сложной ситуации, как представляется, оказывается Израиль. Правящие круги страны в течение последних десятилетий строили стратегию, основанную на противостоянии оси ХАМАС – «Хезболла» – Сирия – Иран, где в качестве ведущей силы рассматривается последний, но в качестве непосредственной угрозы, что не раз подтверждалось недавно, рассматривается ХАМАС, а вслед за ним – «Хезболла» и неизменно поддерживавшая ее Сирия. Понятно, что Иран оказывал всем этим силам всестороннюю поддержку, а кроме того, неоднократно выступал с угрозами применения ядерного оружия против Израиля. Эта угроза до сих пор воспринимается Израилем как реальная.

Однако в свете противостояния региональных суннитской и шиитской осей в рассматриваемой конфигурации произошло определенное переформатирование. ХАМАС практически вышел из союза с Сирией и Ираном, предпочтя этому установление более тесных контактов с суннитскими радикалами. Тем временем «Джабхат ан-Нусра» вышла на границы с Израилем, вытеснив миротворческие силы ООН с Голанских высот. Было бы, очевидно, верхом наивности представлять, что суннитские радикалы, союзные с ХАМАС и движимые салафитской идеологией, могут представлять для Израиля меньшую угрозу, чем, скажем, Дамаск, практически ни разу не вступавший в прямую конфронтацию с ним после войны 1973 г., а сейчас к тому же полностью вовлеченный во внутренний конфликт. Кроме того, антииранская стратегия израильского руководства в последнее время вступила в явный конфликт с линией администрации Б. Обамы по вопросу об иранской ядерной программе [см., например: Глик 2015; Кахана 2015; Непомнящий 2015; Уитни 2015а; 2015б; Эскобар 2015; Тол Гёноль 2015; см. также: Гринин 2015б]⁸. В этом контексте положение Израиля в общей динамике сегодняшнего ближневосточного конфликта может быть чревато новыми труднопредсказуемыми угрозами.

Внешне- и внутривосточная ситуация в Саудовской Аравии в контексте регионального кризиса представляется не менее сложной, чем та, которая наблюдается в перечисленных странах. Являясь одним из самых закрытых обществ в мире, Саудовское королевство дает не слишком много информации, доступной прямому политическому анализу. Тем не менее опыт стран, в том числе и арабских, переживших долгое геронтократическое правление, под-

⁸ Подробнее об этом см. *Заключение*.

сказывает, что начавшаяся смена поколений власти уже сама по себе является предвестием политической турбулентности. При этом вряд ли стоит забывать, что более чем десятилетняя активность «Ал-Каиды» в стране не могла не оставить своего следа в виде «спящих ячеек» радикальных исламистов, симпатизирующих и сотрудничающих с ними религиозных авторитетов, имеющих корни в том числе и в среде истеблишмента [Труевцев 2014б].

В этом контексте угроза захвата святынь Мекки и Медины и уничтожения священного камня Каабы со стороны ИГ вовсе не кажется совсем уж пустым бахвальством.

Не исчезла и угроза со стороны шиитской оси, тем более что, как известно, волнения 2011 г. затронули в том числе и шиитские районы Саудовской Аравии, где расположены основные нефтепромыслы и нефтеперерабатывающие предприятия. Уже после этих волнений в 2013–2014 гг. появились публикации, по мнению ряда аналитиков, инспирированные из Ирана, где обозначались возможные точки уязвимости Саудовской Аравии на ее восточных нефтепромыслах в случае даже ограниченных атак небольших боевых групп [Труевцев 2014б].

Если говорить о западной части самого региона, то, помимо «Ал-Каиды» на Аравийском полуострове, еще ранее о присоединении к ИГ заявили салафитские группы на Синае, тесно связанные ранее с египетскими «Братьями-мусульманами», а также с ХАМАС.

Террористическая деятельность салафитских групп на Синайском полуострове, которая sporadически ведется с момента военного переворота в Египте в июле 2013 г. и жертвами которой стали десятки военнослужащих, фактически вовлекла Египет в региональный конфликт. Эта вовлеченность, однако, практически не выходит за территорию страны. Впрочем, следует отметить, что связь египетских салафитских групп с ХАМАС имела последствия в виде объявления последней властями страны террористической организацией – притом что еще до такого законодательного оформления члены ХАМАС в течение последних трех лет неоднократно арестовывались в Египте за подрывную деятельность.

Тем не менее стоит отметить, что эта позиция Египта означает наряду с йеменским фактором обозначение региональной границы на западе региона, ставящей предел ареалу непосредственного распространения активности и потенциальной власти радикальных суннитских исламистов.

Этот факт необходимо подчеркнуть в связи с тем, что исламистские группы, располагающиеся вне региона, заявляют о присоединении к «Исламскому государству».

В Африке это относится прежде всего к Ливии, где исламистские группировки, захватившие власть в ряде районов страны, объявили себя частью ИГ. Однако физического присоединения их к халифату не произошло, да и не может произойти, пока этому препятствует египетское государство с его мощной армией. Правда, это означает, что Египту приходится сегодня воевать на два фронта. Это стало особенно очевидным, когда ливийские террористы в стиле, присущем действиям ИГ, казнили десятки египетских христиан-коптов. В ответ египетская авиация нанесла бомбовый удар по позициям ливийских исламистов, но тем самым со всей очевидностью была обозначена и региональная граница «Исламского государства». Чувствуется влияние ИГ и в Тунисе, где произошло несколько крупных террористических актов (см. подробнее *Главу 7*).

Схожим образом обстоит дело и к востоку от Ирана. Ряд исламистских группировок в Афганистане (и Пакистане) также заявили о присоединении к «Исламскому государству». Это, разумеется, создает новые угрозы в непосредственном «подбрюшье» Средней Азии, на границах Туркмении, Таджикистана и Узбекистана. Опасность угрожает и иранским границам. Однако пока на пути распространения этого радикального исламистского движения на западе от Афганистана стоит столь мощное государство, как Иран, ни о каком его физическом объединении с ИГ говорить не приходится.

В силу этих факторов, несмотря на всю глобальную угрозу, которая исходит от «Исламского государства» как главного на сегодняшний день источника международного терроризма, о самом этом государстве как структурно-политическом феномене речь может идти только в региональном, но никак не в глобальном плане. Однако реальное влияние ИГ выходит далеко за рамки региона, поскольку движение исламских добровольцев из разных стран, включая европейские, достигло довольно заметных масштабов и даже, кажется, усиливается, что не может не тревожить как Запад, так и Россию, где проживает много миллионов мусульман, а также и многие другие страны мира [см., например: Строкань 2015: 6]. Таким образом, в определенном смысле ИГ все-таки оказывает влияние и в глобальном масштабе.